

ТЕАТР ПОД ТЕННИСНЫМ КОРТОМ

Через год работы на посту художественного руководителя Театра эстрады Геннадий Хазанов решил уволить оркестр

Независимая газ. — 1999 — 15 янв. — с. 13

В ТЕАТРЕ эстрады — производственный конфликт. Художественный руководитель театра Геннадий Хазанов собрался уволить оркестр. Оркестр — слово громкое: в данном случае речь идет о биг-бэнде — четыре трубы, три тромбона, четыре саксофона и ритм-группа. Из пятнадцати единиц занято сейчас двенадцать. Когда-то в Театре эстрады был большой эстрадно-симфонический оркестр с группой струнных, с группой духовых. Но это уже история.

Оркестранты, конечно, недовольны, дирижер оркестра Михаил Найдин с удовольствием рассказывает о своих разногласиях с худруком.

ИСТОРИЯ

Театр эстрады был создан в 1954 году по инициативе корифеев жанра. — Смирнова-Сокольского, Мироновой, Менакера, Мировая, Гаркави, Утесова, Шульженко. «С момента основания в штате театра работает оркестр, в сопровождении которого проходят все театрализованные программы и спектакли театра». (Из письма председателя столичного Комитета по культуре Игоря Бугаева по поводу присвоения театру звания Музыкального.)

Михаил Найдин говорит: «Здесь, в Театре эстрады, родились очень многие звезды, в том числе и сам Геннадий Викторович, Петросян, Киркоров, Серов, Пенкин, Клара Новикова, Шифрин... Скромненькой девочкой приходила Валерия... Здесь был испытательный полигон, лаборатория, трамплин для одаренных артистов, впереди у которых было достаточно неплохое будущее». Нынешние противники увольнения оркестра вспоминают, как Борис Брунов мог поверить прохожему, привести его в свой кабинет и слушать, как он поет или читает куплеты.

Найдин работает в оркестре Театра эстрады 10 лет, начинал пианистом, третий год руководит оркестром. Полагает, что весь конфликт разгорелся из-за того, что театр «не встал на задние лапки и не сказал: «Да, мы всю жизнь мечтали, чтобы у нас был руководителем Геннадий Викторович».

После смерти Брунова театр действительно просил дать некоторое время поработать без художественного руководителя — «хотя бы в память о Б.С. Брунове. Мы просили год дать на такое осмысленное оглаживание по сторонам... Должен был собраться худсовет, который бы стоял над театром и являлся бы гарантом того, что Театр эстрады как структура, которой уже 45 лет, будет существовать с какими-то видоизменениями, но именно как Театр эстрады».

В конце первого худсовета после назначения Хазанова Найдин спросил: «Будет ли существовать наш оркестр?» Потому что «до этого ходили разного рода слухи, что сюда приходят другой оркестр, другие музыканты. Он ответил: «Да». Это есть в протоколе художественного совета: «Ваш оркестр будет существовать, не пришедший, не Лундстрема, не ФСБ... Именно ваш оркестр, причем я вам гарантирую, что занятость у вас будет очень большая и оркестр будет являться творческой единицей». Следующая встреча один на один проходила уже на повышенных тонах. Тогда впервые Хазанов сказал Найдину, что «оркестр не работает... мне оркестр в принципе не нужен... я не вижу, как занять его в дальнейшей работе театра». Дирижер больше всего обижается на то, что Хазанов отказался использовать оркестр вне театра, «создавая тем самым рекламу Театру эстрады и одновременно получая какую-то прибыль». «Если хотите, сами занимайтесь раскруткой оркестра», — будто бы ответил на подобные предложения Хазанов. Это было в январе 98-го.

До марта еще были концерты. В апреле возник первый неожиданный перерыв. В мае — единственный концерт с Пенкиным, который, по рассказам оркестрантов, остался в диком восторге. Наконец, 16 сентября, в день открытия нового сезона, на ура прошел юбилейный концерт «45 лет оркестру Театра эстрады», на который было продано 600 билетов, «а с приглашенными», — говорит Михаил Найдин. — «было под тысячу». Перед этим концертом в театре прошло собрание. Со слов худрука оркестра, Хазанов долго говорил «о международном положении, о курсе доллара, планах театра, связанных с антрепризой Козакова, с Театром Антона Чехова. Об оркестре — ни слова. Я встаю, спрашиваю: «Что будет с оркестром?» — «Оркестр мне не нужен», — вот тут он впервые принародно эти слова сказал: «Я не вижу возможности занимать оркестр в театре». У оркестра «выдался» свободный октябрь, их вычеркнули из уже запланированных концертов на 6 и 7 ноября, в декабре — лишили премии за «то, что мы не работаем». 4 декабря Хазанов выпускает распоряжение: «Московский музыкальный театр эстрады в течение последнего времени отказался от практики проведения сборных эстрадных концертов и постановки эстрадных спектаклей, что повлекло незанятость оркестра и помощника главного режиссера по литературной части». Через некоторое время появилось более грамотное распоряже-

ние на ту же тему. Тогда оркестр начал борьбу за свои права, требуя «дать возможность нормально работать». Основание — звание «музыкального» Театру эстрады дали в 1995 году по ходатайствам Театра эстрады и СТД (тогда его возглавлял Михаил Ульянов), «учитывая многолетнюю работу по созданию музыкальных спектаклей и музыкальных эстрадных программ». В Уставе театра написано: «Основной вид деятельности театра: 1) создание музыкальных спектаклей, эстрадных программ и сатирических представлений...» Такие спектакли были: «Приятная женщина с цветком и окнами на север» с Татьяной Дорониной, «Мираж» с Анастасией Вертинской... По мнению Михаила Найдина, «из этого основного вида деятельности Хазанов исключает самый основной, который связан непосредственно с оркестром», который, в свою очередь, является чуть ли не единственным творческим подразделением Театра эстрады.

ВИДЫ ХАЗАНОВА

Хазанов пришел в Театр эстрады в ноябре 1997 года. В подтверждение своей решимости расстаться с оркестром он приводит неопровержимый аргумент — данные по проданным билетам на мероприятия, в которых был задействован оркестр Театра эстрады: 29 августа 1997 года «Песни о Москве» — 28 проданных билетов, те же «Песни...» 30 августа — 71 билет. На эстрадном концерте 16 января — 95 зрителей, 17 января — 250, 18 января — программа «Парад веселых мужчин» — 208 зрителей, та же программа 19 января — 250, та же 20-го — 285. 3 февраля — «Ретро-шлягер» — 87 зрителей, 110 зрителей — на том же «Шлягере...» 4 февраля. 4 апреля — 589 зрителей, что составляет меньше половины зала. Рекорды: 19 апреля — 21 человек, 15 мая — 13 зрителей. Сезон 1995—1996 гг. — в среднем 32% зрительного зала на тех мероприятиях, в которых был занят оркестр Театра эстрады, в следующем сезоне — 26% зрителей. Хазанов не винит в этом оркестр: «Никакой вины ни оркестра Театра эстрады, ни его руководителя Михаила Найдина в этом нет. Существует жесточайшая реальность: 1124 человек собрал 7 марта 1997 года Сергей Захаров, 1098 и 1266 человек, соответственно, на его же концертах 7 и 8 марта 1996-го, то есть оркестр целиком и полностью зависит от того, кто стоит перед ним. Даже если бы мы посадили на место оркестра американский оркестр, а на место Найдина поставили Дюка Эллингтона, это бы не решило проблемы. Все исполнителю вokalного жанра, кто собирает сегодня аншлаги, имеют собственные оркестры или музыкантов. Оркестр Кролла, выдающегося музыканта, прекратил свое существование... Оркестры имеют сегодня Большой театр, где не бывает спектаклей без оркестра, Театр Станиславского и Немировича-Данченко, Театр оперетты, «Новая опера». Театры, где есть возможность обойтись без оркестра, конечно, идут на это...»

Оркестры Рождественского и Светланова — самодостаточны. Они необходимы как творческие единицы, играющие прекрасную музыку вне зависимости от того, стоит перед этим оркестром Киркоров или нет. На их концерты приходят любители именно этого оркестра. Они востребованы в других странах мира, где у них есть поле деятельности. Но не кажется ли вам странным держать оркестр для того, чтобы он аккомпанировал случайным исполнителям, у которых нет постоянного коллектива или, неужели это говорить, поскольку этого человека нет в живых, — куплетам Бориса Сергеевича Брунова?

К самой идее сборного концерта Хазанов относится неприимно. Он говорит мне: «Когда мы росли, а вы были совсем маленькими, у нас было такое определение: я вчера купил импортный костюм... Никто не говорил — финский или чешский... Потом стали говорить, какой страны, потом — какой фирмы, потом — какой фирмы и какого года. Сегодня сборный концерт — абсолютно равен определению «импортный костюм». Что это за сборный концерт, почему в одном концерте должны выступать пара из Большого театра, потом — чтец, потом — жонглер? Что это за чушь?»

Эстрада пришла из варшавы, из кафе-шантана, ее легитимизировала советская власть — для убогих людей эта власть дала зрелище.

Советская эстрада — это порождение для массовой аудитории, с годами все более увеличивавшейся в количествах. Из Колонного зала Дома Союзов она стала выходить во дворцы спорта, на стадионы и т.д. К тому, что в театре не все разделяют его пафос, относятся с пониманием: «Так у старого человека годами ничего не передвигается в квартире, чтобы только не попасть в состояние фрустрации... Уже при мне были концерты 7 ноября — «Песни юности революции», «Мы дети твои, Москва»... 118 билетов! И дальше: 496, 101, 821, 273... Почему? А не надо никому! Кто в сборном концерте будет принимать участие, на каких началах? За деньги? Если это за деньги и если это соответствующий состав исполнителей, то сумма гонорара вырастет такая... Плюс к этому: не ходят все равно...» Хазанов говорит: «Я всегда ненавидел эти сборные концерты и сейчас рад, что могу поставить точку в их истории. Я сказал: все, больше этого не будет!»

На мой прямой вопрос: «Вы считаете, что будущего у сборных концертов нет?» Он прямо и коротко ответил: «Никакого».

Действительно, сегодня сборный концерт — деталь презентации или для рождения на широкую ногу. Таранцев, например, из «Русского золота» на свой день рождения устроил концерт в лучших советских традициях в гостинице «Орленок»: Надежда Бабкина, Пресняков-младший, разговорный жанр, акробаты и жонглеры...

АХ, ВОДЕВИЛЬ...

Театр эстрады входит в систему Комитета по культуре города Москвы среди 60 с лишним других столичных коллективов, являясь такой же своеобразной краской на культурной карте города, как, скажем, национальные образования, вроде театров «Ро-

от оркестра, но не отказываясь от денег, — говорит Хазанов. — Будет пересмотрено штатное расписание, и вместо оркестрантов будут внесены другие творческие единицы, которым будут эти зарплаты сохранены. И отрицает появившиеся слухи о том, что он будто бы превращает театр в прокатную площадку: «Я и сокращаю оркестр только для того, чтобы не делать из Театра эстрады прокатную площадку. Когда я пришел сюда, я сказал, что у Театра эстрады такая бешеная зависимость от гастролеров, от тех, кто дает согласие здесь выступить или не дает, что при желании 7-8 человек могут вообще решить судьбу Театра эстрады, если они договорятся между собой не выступать на этой сцене. Попутно хочу сказать, что деньги, которые отпускает Комитет по культуре на зарплату Театра эстрады: артист оркестра высшей категории 405 рублей 90 копеек. К этой сумме работники получали доплату на питание и премию, которая вносила из заработанных Театром денег, и если в этой кастрюле нет денег — а откуда им появиться при тех данных, что я вам привел, при том количестве зрителей, — то простите, из чего доплачивать?» Поскольку разговор идет с корреспондентом «Независимой газеты», то и примеры Хазанов приводит соответствующие: «Если бы меня также финансировал Березовский или кто-то другой... А меня никто не финансирует! Я не могу ковер перестелить, по которому вы сейчас пойдете! Поэтому приходил Смолин и говорит, что хочет играть здесь одиннадцать дней, я говорю — ирайте... — речь идет об аренде театра на новогодние праздники для детского утренника «Чудеса на Береневской». — Даже если бы мы затеяли сами что-нибудь, мы бы ничего не сделали. Вы понимаете, что для того, чтобы что-то сделать, нужны деньги? Их нету... Театры выпускают пре-

зарплаты можно пригласить актеров, увенчанных званиями, но сегодня оказавшихся невостребованными. Несколько дней назад я разговаривал об этом с Михаилом Ивановичем Пуговкиным, который живет сейчас в Ялте. Он сегодня артист без работы».

ЛИДО

Хазанов пришел в Театр эстрады с совершенно конкретной целью, которой он ни от кого не скрывал. Он захотел сделать на Береневской московский вариант парижского «Лидо». Но его художественная и финансовая программа претерпела изменения. «Она рухнула, а не скорректировалась», — говорит Геннадий Хазанов. — Я пришел с идеей, чтобы сделать здесь некое «Лидо» — будем называть это так, чтобы было понятно. А потом выяснилось, что все, что необходимо для этого, все невозможно. Невозможно выселить корт, который находится над сценой театра, и, выйдя на сцену, вы заметите, что у этой

сцены нет высоты, нет глубины, нет карманов... Этот театр нуждается в генеральной реконструкции, сказали специалисты, которых я привел. Они сказали, что можно эту идею реализовать при одном условии, — если сцену повернуть в другую сторону. Значит, нужно сломать все. На мой предположения мэр Москвы сказал: ты в своем уме? Всем ведь кажется, что «Лидо» — это то, что происходит на сцене, это девочки, которые там танцуют, и зрители, которые сидят за столиками. Это — огромное здание с машиной, с механикой, с люками, а здесь декорацию поднять некуда... Здесь даже сцену расширить нельзя, потому что идут несущие конструкции. Ничего нельзя тронуть — все полетит. Ни на метр — ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз нельзя сдвинуть, потому что это — не самостоятельное здание, а часть Дома на набережной. Над моим кабинетом — переход из одного корпуса Дома прессы в другой и столовая, которую сдают в аренду...»

Театр эстрады.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

мьера за счет тех, кто работает на окладе. Там в штате работают люди. Я оркестр «разгоняю», чтобы на эти ставки набрать людей, которые будут за свой оклад играть спектакли, как в любом другом театре... «Вечер русского водевиля» будут играть. Дальше будет все зависеть от того, какой постановщик придет...» Мой вопрос об упомянутом «Вечере русского водевиля» неожиданно вызывает раздражение: «Что вы меня за язык все время дергаете. Я вам рассказываю механику... Мое желание, — говорит Геннадий Викторович, — привести в театр исполнителей, которых можно было бы занять реально в работе. Никто из актеров, именующихся нами звездами, конечно, сюда не пойдет. Я серьезно думаю о выпускном курсе РАТИ (ГИТИСа), отделение музыкальной, конкретно — о курсе Олега Кудряшова. Может быть, это нечисто, если в Театре эстрады играть что-то такое, что хоть каким-нибудь образом не подпадает под параметры эстрады. Хотя эстрада — это эстрада, а театр — это театр, а тут — гибриды... Но значит нужно пытаться отвечать этому гибриду на звание. Пускай это будет спектакль, в котором будет эстрадный исполнитель, или спектакль из жизни эстрадных звезд (почему я и набрал на мысль о спектаклях из жизни Утесова или Руслановой...). Театр жанра приговаривает к обязательности. Театр «Сатирикон» — это нечисто. Театр имени Пушкина — это нечисто. Просто — имени Пушкина. Все, больше — ничего». «Может быть, название стоит поменять?» — спросил я Геннадия Хазанова. «Нет, нельзя. К сожалению или к счастью — другой разговор... Но меня вовсе не для этого сюда пригласили».

Раз театр — государственный, то и деньги он получает от государства. «Я отказываюсь

надия Хазанова. Он довольно трезво оценивает будущее своего «разговорного жанра»: «Ведь если сегодня мы смотрим на выходящего на сцену Заборнова или Жванецкого, то сам факт их появления говорит о том, что профессия артиста в этом жанре не нужна. Почему нет новых актеров, почему нет пополнения? Всему же есть нормальные объяснения. Отсутствия тоталитарного принципа, цензурного государства — раз, жанр сразу потерял эксклюзивность. Второе — самодостаточность авторов. Если сегодня в одном столбце записат исполнителей, а в другом — авторов, не знаю, где имен будет больше... Поэтому нет пополнения в этом жанре, а не потому, что нет способных людей. И поэтому сборные концерты производят такое убогое впечатление. Потому что эстрада — это придуманная вещь. Певец, поющий сольный концерт, — да, во всем мире так принято...» Он не стесняется рассказывать, что на его сольных концертах в «Октябрьском» в Санкт-Петербурге зал был заполнен «процентов на шестьдесят», а 8 и 9 ноября сломали двери в БДТ на «Ужине с дураком», — просто «монументальный жанр изживает себя, его время проходит».

На мой вопрос, будут ли в Театре эстрады выступать какие-то группы, художественный руководитель отвечает утвердительно: «В декабре был концерт «Лесоповала», сумасшедший аншлаг! Я ничего против «Лесоповала» не имею...»

Пока на сцене Театра эстрады можно увидеть спектакли Театра Антона Чехова, в недавней премьере которого, «Ужине с дураком», главную роль играет Геннадий Хазанов. Спектакль идет при аншлагах, хотя билеты стоят недешево, а самые дорогие — по тысяче рублей. Раскупают! Отсутствие аншлага на других спектаклях Хазанова удручает: «Я максималист. Я хочу, чтобы в этот театр люди ломились. Понимаю, что это очень трудно сегодня, но я беру специально планку завышенную». Сегодня он категорически отрицает возможность перерастания сотрудничества с Леонидом Трушкиным в более тесные «производственные» отношения: «Зачем ему становится главным режиссером? Он занимается своим помещением на Новом Арбате».

Отвечая на мой вопрос, с кем из режиссеров ему хотелось бы работать, почти тут же переходит на «смежную» тему: «Я хотел бы работать с режиссерами, самовыражение которых не входит в противоречие с интересами тех, кто приходит в зал на 1380 мест. Понятно? В связи с чем продолжаю настаивать на глубочайшей ущербности нашей критики, воспитанной в традициях глубокого смысла, заложенного в русской интеллигенции, вечно решающей проклятые вопросы. В этом большая беда наша, кстати. У Феллини есть замечательная фраза: «В этой жизни важно все, серьезно — ничто». У нас так часто скуку выдают за глубокомыслие!..»

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Напоследок — еще одна цитата: «Так хочется человеку дать возможность — особенно теперь, в это жуткое для психики время, — понять, что петля — не единственный выход из положения. Проблема заключается в том — и это для меня было самым удивительным, — что критики, которые пришли на спектакль «Ужин с дураком», неслись по инерции интеллигентской рефлексии, они не могут вырваться из этого и этим изуродованы. Они не хотят понимать сегодняшней потребности открытой форточки для людей. Я, выросший в центре фронды, в Доме культуры гуманитарных факультетов, понимаю, что сегодня это неуместно, это бесчеловечно. С точностью до наоборот поменять потребность. Если в коммунистическом пространстве нужно было выходить на сцену и говорить: не лгите, не все так хорошо, как вы пытаетесь представить, совсем не так. Сегодня я должен выходить и говорить: не верьте им и тем, кто пишет, не верьте, не все так ужасно. Это мой долг. А журналисты сегодня свою депрессию навязывают всем и, пока не заразят ею всех остальных, не успокоятся. Пресса в этом смысле делает все, что от нее зависит, — безжалостную работу, отравляющую по своему посылу. Почему? Да потому, что сегодня кажется: что-нибудь хвалить — это моветон, это неправильно, тебя никто не заметит! Поскольку я прошел этот путь, мне механизм понятен, — я вижу, как это опасно. Необходимо, чтобы из каким-то прибором было скорректировано обязательно. Иначе будет беда» (Геннадий Хазанов)